

ности в заселении и освоении Прикамья появились с включением в Русское государство территории Казанского ханства в 1552 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Т. 1. С. 167.

² Г-н. Полюд-богатырь (записки экскурсанта) // Звезда (Пермь). 1928. 28 июля.

³ Житие Стефана Пермского // Святитель Стефан Пермский: К 600-летию со дня преставления. СПб., 1995. С.161.

⁴ Там же. С. 167.

⁵ Там же. С. 169.

⁶ Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып.4. С.261

⁷ Там же. С.262.

⁸ Там же.

⁹ ПСРЛ. М., 1965. Т. 12. С. 148.

¹⁰ Там же.

¹¹ Историко-филологический сборник. С.262.

¹² *Оборин В.А.* Заселение и освоение Урала в конце XI — начале XVII века. Иркутск, 1990. С.66.

¹³ *Чагин Г.Н.* Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI — первой половине XIX в. Пермь, 1995. С.354.

¹⁴ Русские говоры пермского региона: Формирование, функционирование, развитие. Пермь, 1998. С. 12.

¹⁵ *Дмитриева С.И.* География распространения русских былин по материалам конца XIX — начала XX в. М., 1975. С.33-42; *Чагин Г.Н.* Этнокультурная история... С.237.

Е.В.ВЕРШИНИН

И ЕЩЕ РАЗ О КНЯЗЬЯХ ВЫМСКИХ И ВЕЛИКОПЕРМСКИХ

Трудно сказать, каким образом в научной литературе закрепляются устойчивые мифы. К числу таких мифов принадлежит распространенное в уральской региональной историографии утверждение о русском происхождении князей Вымских и Великопермских второй половины XV в., якобы родственных с князьями Верейского удельного княжества.

В 1997 г. я в тезисном виде высказал свою точку зрения на князей Вымских и Великопермских, которые интересовали меня прежде всего со стороны их управленческих функций¹. Эта точка зрения вызвала критику пермского историка В.В.Мухина (тоже прозвучавшую в тезисном виде)². Игнорируя определенную цельность моего взгляда на указанных князей как на правителей, В.В.Мухин отметил в нем лишь посягательство на отстаиваемую известным археологом и историком

В.А.Обориным версию о русском “верейском” происхождении князей Великопермских. Являясь сторонником всего, что писал по поводу Великопермских князей В.А.Оборин, В.В.Мухин уверен, что “к этой теме не следовало бы больше обращаться” хотя бы потому, что точка зрения В.А.Оборина “в последние десятилетия прочно утвердилась в литературе по истории Урала”³. Хочется заметить, что “прочность утверждения” взглядов В.А.Оборина на этот вопрос несколько не удивительна: в двух обобщающих изданиях по истории Урала (1976 и 1989 гг.), на которые ссылается В.В.Мухин, автором соответствующих разделов является тот же В.А.Оборин.

Очевидно, что научный спор на уровне опубликованных к конференциям тезисов — дело сомнительное. Это и заставляет меня выступить с более развернутой аргументацией своих взглядов. Но не только это. Я до сих пор разделяю мнение Л.Н.Жеребцова, высказанное в 1982 г., о том, что “вопрос о вымских князьях (и Великопермских соответственно. — *Е.В.*) пока совершенно не разработан”⁴. И дело не только в русском или автохтонном происхождении данных князей. Не менее важное значение имеет определение их статуса как правителей (удельные князья в составе Московского княжества или временные наместники-кормленщики). Каков был реальный объем властных полномочий этих правителей и каковы были их взаимоотношения с местным населением? По существу, в имеющейся литературе князья Вымские и князья Великопермские рассматриваются отдельно (в чем сказывается узко-региональная направленность соответствующей историографии). Таким образом, не сделано даже попытки прокомментировать указание источников (Вычегодско-Вымской летописи и Синодика Великопермских князей) на близкое родство правителей в коми-зырянских и коми-пермяцких землях (если отбросить несостоятельную версию о русском происхождении князей, то неизбежно встает вопрос о территориальной локализации фамильного “гнезда Ермоличей”: или в Перми Вычегодской, или в Перми Великой). Попыткой ответа на эти вопросы и является данная статья.

Прежде всего, что есть неудовлетворительного в современных, наиболее распространенных (и в этом В.В.Мухин прав) взглядах на князей Вымских и Великопермских? Во-первых, все-таки некритическое отношение к их “верейским” владетельным правам. Данная версия, как известно, основана лишь на уникальном сообщении Вычегодско-Вымской летописи (в дальнейшем — ВВЛ), в которой содержатся, как это будет показано ниже, безусловные описки и ошибки. В многочисленных высказываниях В.А.Оборина на эту тему отсутствует обращение к подлинной истории Верейского удельного княжества и его русских владельцев в XV в., что само по себе странно⁵. Видимо поэтому у В.А.Оборина встречаются утверждения, не находящие подтверждения ни в ка-

ких известных источниках. Например, он пишет: “В 1451 г. Василий II Темный направил в Пермь Вычегодскую наместника, русского верейского князя Ермолая, поддерживавшего в феодальной войне великого князя...”⁶. Здесь как твердо установленный факт подается не более чем предположение историка, поскольку ни о верейском князе Ермолае, ни об его участии в феодальной войне абсолютно ничего не известно. Еще более “сенсационной” выглядит интерпретация, содержащаяся в учебном пособии “Страницы истории земли Пермской” (Пермь, 1995, авторы соответствующего раздела — А. М. Белавин и Н. Н. Агафонова). Повторив уже традиционное для пермских историков положение о том, как Василий Темный в 1451 г. передал “Пермь Великую в качестве удела бывшему верейскому князю Михаилу Ермолаевичу”, авторы далее пишут: “Подмосковная Верея перешла великому князю, а бывшие верейские князья основали династию князей Великопермских”⁷. Данное утверждение свидетельствует лишь о слабом знакомстве авторов учебного пособия с источниками и специальной литературой по русской истории XV в.

С легкой руки В. А. Оборина, легенда о бывших верейских князьях Ермолае и его сыновьях стала кочевать по учебной и научной литературе⁸. На этом фоне определенным диссонансом выглядит призыв А. Т. Шашкова вернуться к традиционной точке зрения (которая господствовала до публикации ВВЛ в 1958 г.) о том, “что вымские и великопермские князья происходили из местной родоплеменной знати и никаких родственных отношений с домом Ивана Калиты не имели”⁹. Впрочем, и после публикации ВВЛ некоторые известные ученые не принимали “верейского” происхождения Ермоличей. Такой знаток княжеско-боярских генеалогий на Руси как А. А. Зимин резонно указывал, что у живших в XV в. верейских князей никакого родича Ермолая не было, и считал вполне допустимым происхождение Ермолая и Василия Вымского из местной коми знати. По А. А. Зимину, назначение их в качестве наместников в Пермь Вычегодскую было вполне естественным, если они являлись противниками Дмитрия Шемяки¹⁰. Л. П. Лашук, рассматривая этническую историю коми-зырян, не сомневался в местном происхождении князей, выросших “на почве наследственной родоплеменной знати предшествующего исторического периода”¹¹. Л. Н. Жеребцов, сомневаясь в туземном происхождении Ермоличей, но учитывая известное родословие верейских князей, высказал мысль о том, что это могла быть какая-то боковая, захудалая родственная семья, награжденная наместничеством за преданность Василию Темному верейского княжеского дома во время феодальной войны¹² (эта догадка была бы интересной, если бы владельцы Верей не были известны наперечет). Таким образом, вопрос об этнической принадлежности князей Вымских и Великопермских в современной историог-

рации решается не столь однозначно, как это представляется некоторым исследователям.

Во-вторых, нет никакой ясности в определении управленческого статуса князей — Василия, Федора и Петра Вымских, Михаила и Матвея Великопермских. По В.А.Оборину, в 1451 г. русский князь Михаил прибывает в Пермь Великую в качестве **наместника** (здесь и далее выделено мной). После известного похода 1472 г. великокняжеских войск на Пермь Великую “коми-пермяки попали в феодальную зависимость от Русского государства и были обложены данью. Великопермские князья стали **вассалами** русского великого князя”. Однако в 1505 г., при “сведении” с Перми Великой князя Матвея Михайловича, Иван III назначает **нового наместника** — князя В.А.Ковра, а в Прикамье утверждается “обычный для Русского государства аппарат управления”¹³. В другом издании В.А.Оборин поясняет “необычность” положения князей Великопермских до 1505 г.: “Вместо **особого княжения** на правах вотчины, передававшейся по наследству, в Верхнем Прикамье было введено обычное наместничье управление с правом “кормления” и периодической сменой наместников”. Тем не менее читатель остается в недоумении, так как чуть выше В.А.Оборин называет князя Михаила Ермолаевича “московским наместником”, чье назначение в 1451 г. “означало мирное включение Перми Великой в состав Русского государства”¹⁴. Нельзя не отметить и неточность, которую допустил В.А.Оборин при цитировании текста ВВЛ. Из приведенной цитаты, в которой им пропущено несколько слов, следует, что уже Михаилу Ермолаевичу была дана “грамота наказная уставная”¹⁵. Между тем в ВВЛ сказано: “А ведати им волости вычегоцкие по грамоте наказной по уставной”¹⁶ (т.е. текст относится к Перми Вычегодской и к князьям Ермолаю и Василию Вымским; распространять его на Пермь Великую нет никаких оснований).

Более определенные высказывания по поводу статуса князей Великопермских содержатся в работах М.Н.Тихомирова и Н.А.Миненко; Пермь Великую до 1505 г. они рассматривают как особое удельное княжество¹⁷. Что касается князей Вымских, то их полустолетнее пребывание в Перми Вычегодской в качестве наследственных наместников-кормленщиков почему-то не вызвало исследовательского интереса (хотя аналогию их статусу в русской истории XV в. найти трудно!).

Известные источники, в которых содержатся сведения о князьях Вымских и Великопермских, немногочисленны. Из летописей наиболее часто о них говорит ВВЛ и посвящает им 10 статей. ВВЛ знает Ермолая, Василия Ермолича Вымского, сыновей последнего Петра и Федора, Михаила Ермолича Пермского и его сына Матвея. В Устюжской летописи (Архангелогородском летописце) Василий Ермолич Вымский упоминается под 6973 г., Матвей Михайлович Великопермский — под

7012 и 7013 гг.¹⁸ В Вологодско-Пермской летописи в связи с походом 1472 г. московских войск в Пермь Великую говорится о князе Михаиле, а в связи с заключением мира под Усть-Вымом с кодскими и вогульскими князьками — о Петре и Федоре Вымских¹⁹. Московский летописный свод конца XV в. и Иоасафовская летопись из интересующих нас событий описывают лишь поход 1472 г. и поэтому знают только князя Михаила Великопермского²⁰.

Актовых источников тоже немного. «Наместники пермские княжи Петр да Федор Васильевы дети Вымского» фигурируют в двух жалованных грамотах (1482/83 и 1490 гг.) Ивана III пермскому епископу Филофею и в грамоте (1484/85 г.) великого князя жителям Перми Вычегодской²¹. Они же упомянуты в тексте мирного договора, заключенного в декабре 1484 г. под Усть-Вымом²². Актовых материалов XV в., относящихся к Перми Великой, не сохранилось, хотя они, безусловно, были. Например, Великопермская уставная грамота наместнического управления первой половины XVI в. содержит фразу: «... первых судов и грамот князей Пермских не посуживати»²³. Кроме того, в послании 1501 г. митрополита Симона в Пермь Великую в качестве адресата названы князь Матвей Михайлович Пермский и «все пермичи»²⁴.

Наконец, в распоряжении исследователей давно имеется Синодик Великопермских князей, хранившийся в Чердынском Иоанно-Богословском монастыре. Хотя время возникновения Синодика остается не выясненным, ему, видимо, можно доверять. Считается, что Иоанно-Богословский монастырь возник в 1462 г., «как пермичи крещение приняли». По мнению А. А. Дмитриева, он являлся родовой усыпальницей пермских князей-христиан. О связях князей Великопермских с Богословским монастырем имеется документальное свидетельство: в царской грамоте 1580 г. в Пермь Великую среди владений монастыря в Чердынском уезде упоминаются пустые земли, лес и луга — «дарение князя Матвея Великопермского»²⁵. Самым интересным в Синодике является поминовение наряду с князьями Пермскими и трех князей Вымских, что можно рассматривать как указание на их родство (замечу, что кроме Синодика и статьи ВВЛ под 1450/51 г. других свидетельств этого родства не имеется). Для целей данной статьи есть смысл воспроизвести текст Синодика (по изданию В. В. Голубцова)²⁶:

«Помяни Господи души Великопермских князей и княгинь:

Князя Михаила Пермского, убит от вогуличей

Князя Владимира Пермского

Князя Иоанна Пермского

Князя Ермолая Вымского

Князя Василия Вымского

Князя Федора Вымского

Князя Иоанна Пермского, убит от вогуличей

Князя Дмитрия Пермского
Князя Константина Пермского
Князя Андрея Великопермского
Князя Матвея Пермского
Княгини Анны Великопермския
Княгини Ксении Великопермския
Княгини Анастасии Великопермския”.

Из известных нам князей в этом перечне отсутствует Петр Вымский, который, если верить ВВЛ, погиб зимой 1499/1500 г.

Вопрос о князьях Вымских и Великопермских является лишь частью широкой темы вхождения Перми Вычегодской и Верхнего Прикамья в состав Московского государства. Русская колонизация XIV—XV вв. в северо-восточном направлении, сопровождавшаяся разнообразными хозяйственно-культурными контактами славянских переселенцев и местного населения, осталась вне поля зрения русских летописцев, зафиксировавших в основном миссионерские и военно-экспедиционные эпизоды данного процесса. Очень мало известно и о социально-политическом строе в коми-зырянских и коми-пермяцких землях в XV в. Все это создает немалые трудности при интерпретации сохранившихся известий.

Обратимся сначала к той статье ВВЛ под 1450/51 г., чьи уникальные сведения вызывают разногласия в научной литературе: “Лета 6959 прислал князь великий Василей Васильевич на Пермскую землю наместника от роду вереиских князей Ермолая да за ним Ермолаем да за сыном его Василием правити пермской землей Вычегодскою, а старшего сына тово Ермолая, Михаила Ермолича, отпустил на Великая Пермь на Чердыню. А ведати им волости вычегоцкие по грамоте наказной по уставной”²⁷. Можно отметить стилистическую неправильность данного текста, указывающую на то, что он дошел до нас в искаженном виде. Ошибкой в нем является и слово “вереиских”.

Чтобы убедиться в том, что никаких князей “верейских” в пермских землях быть не могло, необходимо обратиться к истории подлинных владельцев Вереи в XV в. По завещанию Дмитрия Донского, Верея вошла в удел его сына Андрея, причем сначала — при своей жизни — ею должна была владеть вдова великого князя. После смерти Андрея Дмитриевича в 1432 г. Верея вместе с Белоозером составила удел его младшего сына Михаила. В событиях XV в. Михаил Андреевич, проживший долгую жизнь, являлся лицом заметным — как князь из “гнезда Калиты”, как свояк и верный вассал Василия Темного. В 1445 г. он участвовал в печально известной битве с татарами под Суздалем и вместе с Василием Темным попал в плен. С 1447 г. князь Михаил Андреевич выступает как безусловный сторонник Василия II. В июле 1450 г. великий князь заключил очередной договор с князем Михаилом, ко-

торый подтверждал права последнего на Белоозеро и Верею и добавлял к его владениям Вышгород; по мнению А. А. Зимина, “пожалование выглядело наградой за верность в борьбе с князем Дмитрием”²⁸. Ликвидация Можайского удельного княжества в 1454 г., которым владел брат Михаила, Иван Андреевич, и бегство последнего с семьей в Литву на судьбе верейско-белозерского князя не отразились. К моменту смерти Василия Темного Михаил Андреевич оставался единственным удельным князем в рамках Московского княжества. Только по летописным известиям и актам XV в. можно составить обширную хронологию деятельности Михаила Андреевича, доказывающую его высокий статус и близость к Василию II и Ивану III. Источники называют его среди “братья” великих князей; он имеет свой “полк”, своих бояр и дьяков²⁹.

С 1468 г. летописи начинают упоминать Василия Михайловича Вереяского, сына князя Михаила. Летописи и разрядные записи знают его как военачальника великокняжеских войск, и, видимо, недаром он получил прозвище “Удалой”. В 1480 г. Василий Вереяский женился на Марии Андреевне Палеолог, племяннице княгини Софьи. В 1483 г. князь Василий Михайлович вместе с женой был вынужден бежать от Ивана III в Литву. После смерти старого князя Михаила Андреевича (1486 г.) все его владения перешли к великому князю, и история Белоозерско-Вереяского удельного княжества закончилась³⁰. Василий Михайлович еще упоминается среди других русских князей-эмигрантов, живших в Литве, в договоре 1494 г. между московским и литовским великими князьями³¹. Кроме сына Василия известна дочь Михаила Андреевича, Анастасия. Она была замужем за князем Осипом Андреевичем Дорогобужским, который в 1485 г. перешел на службу от тверского князя к московскому³².

Никаких “захудалых” и “боковых ветвей” родственников Михаила Андреевича (а, значит, и великих князей московских) источники не знают. Строго говоря, никакого “рода князей верейских” и не было. Титул “Вереяский” носил только князь Василий Михайлович, а в составе удельных владений его отца и деда городок Верея не занимал главного места.

Сторонники “верейской” версии происхождения князей Великопермских почему-то не задаются вопросом: на каких основаниях Василий II мог рассылать своих наместников в земли, не принадлежавшие Московскому княжеству? Можно еще допустить появление в 1451 г. московского наместника в Вычегодско-Вымских землях, где влияние Москвы (через Устюг Великий) заметно уже с конца XIV в. Но Пермь Великая в середине XV в., номинально относясь к новгородским владениям, в действительности жила самостоятельной жизнью. По сути, сторонники взглядов В. А. Оборина предлагают следующую, сомнитель-

ную с точки зрения логики, интерпретацию. В 1451 г. Василий Темный присылает какого-то русского князя Михаила в Верхнее Прикамье (между тем, первый известный проход московских войск через Пермь Великую относится к 1462 г.), который спокойно поселяется среди автохтонного населения (“пермяков” Чердыни и Покчи), и все это означает “мирное включение Перми Великой в состав Русского государства”. Странно, что подобный метод не был использован Москвой, например, в отношении пелымских вогулов, которые только в конце XVI в., в результате военных действий против них, “приняли” русское подданство.

Наконец, совершенно непонятно, по каким причинам надо отдавать предпочтение слову “верейских” в ВВЛ, текст которой имеет довольно сложную историю, перед сообщением Устюжской летописи первой четверти XVI в. А в ней прямо сказано о князе Василии Андреевиче Ковре (из рода князей Стародубских), присланном в 1505 г. в качестве наместника в Пермь Великую: “Сеи же бысть первыи от русских князей”³³.

Слово “верейских” как ошибочное в тексте ВВЛ является далеко не единственным. Б.Н.Флоря уже отметил, что составитель ВВЛ превратил (в сообщении под 1484 г.) великокняжеского казначея Владимира Григорьевича Ховрина, который “печаловался” перед Иваном III за пленных югорских князей, в “князя Володимера Ковра”³⁴. Очевидно, что этот богатейший человек своего времени и администратор Ивана III составителю ВВЛ не был известен. А вот пример другой, смысловой ошибки. Под 1506 г. ВВЛ рассказывает о набеге на Пермь Великую “сибирского царя Кулуг салтана”; наместник “князь Василей Ковер на поле води погоню, а иных на судех послав, и они догнашу их в Сылве, задную побили”. Между тем в Устюжской летописи, из которой, видимо, заимствованы эти сведения, говорится: “И князь Василей Ковер на поле воде в погоню послал русаков в судех (т.е. по полой весенней воде. — *Е.В.*)”³⁵. Таким образом, “полевая” погоня из самым наместником является чистойшим домyslom составителя ВВЛ. Еще на несколько ошибок в тексте ВВЛ указал А.Т.Шашков (в частности, на курьезное происхождение имени “Кикек”, якобы князя пелымских вогулов)³⁶.

Провинциальные летописцы, проявляя свою ограниченную книжную эрудицию, порой удивительным образом переиначивали не понятые ими или плохо разбираемые слова. Например, в двинских землях местный летописец XVII в. совершенно не знал некогда знаменитую фамилию князей Курбских, и поэтому двинский наместник середины XVI в. Иван Курбский превратился под его пером в Ивана Кипрско-го³⁷. Остается только предполагать, какое слово переделал в “верейских” усть-вымский черный поп Мисаил (составитель ВВЛ) или же по-

здние переписчики летописи. А. Т. Шашков предположил, что им могло быть слово “еренских” (р. Еренга, Еренский городок на Вычегде)³⁸. Я склоняюсь к самой простой версии. В XV—XVII вв. некоторые варианты написания букв “в” и “п” были весьма схожими³⁹. Если перепутать начальные буквы, разница в словах “пермских” или “черемских” и “верейских” остается небольшой. В источнике, которым пользовался Мисаил, могла стоять фраза “от роду пермских князей”.

Ошибки и описки в ВВЛ не означают, что в целом эта летопись не заслуживает доверия. Ее составитель Мисаил пользовался источниками XV в., в частности, по мнению Б. Н. Флори, не дошедшей до нас Пермской владычной летописью, которая велась в Усть-Выме при епископе Филофее (1471—1501 гг.)⁴⁰.

Итак, можно допустить, что в коми-зырянских землях в начале 1450-х гг. появился наместник Ермолай, назначенный из Москвы. Между прочим, говоря о начале правления Вымских и Великопермских князей, ВВЛ проводит терминологическое различие, в чем видится определенный смысл. Ермолая с Василием великий князь “прислал... правити Пермской землей Вычегодскою”, Михаила же “отпустил на Великая Пермь”. По моим наблюдениям над терминологией летописей XV в., “отпустить” — это значит “отпустить обратно, восвояси”. Например, в известном сообщении Устюжской летописи о походе Василия Скрябы за Урал (1465 г.) и пленении югорских князей сказано: “А князеи югорских Калпака да Течика к великому князю Ивану Васильевичю на Москву привели, и князь великий их пожаловал Югорским княжением и отпустил их в Югру, а на них дань возложил...”⁴¹. К слову сказать, это “пожалование” Ивана III вовсе не означало установления какого-либо серьезного контроля Москвы над зауральскими землями. Разница в терминологии ВВЛ хорошо увязывается с тем фактом, что в середине XV в. Пермь Вычегодская реально подчинялась Москве, а Пермь Великая — нет.

Были ли московские наместники в вычегодско-вымских землях до Ермолая с Василием? Процесс подчинения Перми Вычегодской московским князьям тесно связан с историей Устюга Великого, который в эпоху удельной раздробленности являлся опорным пунктом русской колонизации, шедшей из “низовых” княжеств Волго-Окского междуречья. За исключением сообщения ВВЛ, прямых свидетельств о точной дате перехода Устюга под непосредственное управление Москвы не имеется. ВВЛ же под 1364 г. повествует о том, что великий князь Дмитрий Иванович “взял” у ростовского князя Константина “Ростов и Устюг и пермские места устюгские”⁴². В конце 1370-х гг. в землях коми-зырян начал свою знаменитую миссионерскую деятельность Стефан Храп. Однако вряд ли его усилия по распространению христианства напрямую сопровождались внедрением в Перми Вычегодской рус-

ской администрации и подкреплялись силой оружия светской власти. В литературе довольно часто цитируются слова пермского “кудесника” Пама-сотника, выступившего против проповедей Стефана: “От Москвы может ли что добро быти нам? Не оттуду ли нам тяжести быша, и дани тяжкия и насилства, и тивуни, и доводщици, и приставници?”⁴³. Тем не менее достоверных свидетельств о присутствии в Вычегодско-Вымских землях великокняжеской администрации в конце XIV — первой половине XV в. мы не имеем. Тиуны и доводчики входили, скорее всего, в штат наместника, находившегося в Устюге.

К середине XV в. коми-зырянское население Перми Вычегодской распадалось на несколько территориальных земляческих объединений, слабо связанных между собой⁴⁴. Перед русской администрацией эти обособленные “земли” представляли “сотники”. Сотник — термин русский, отражающий влияние монголо-татарской административной системы, но сами пермские сотники принадлежали, безусловно, к местному населению. Коми названия родовой знати (по “Житию” Стефана, “старцев земли Пермской”) русским источникам не известны. Проводником русского влияния и единственным феодальным владельцем земель в Перми Вычегодской была епископская кафедра, основанная Стефаном в Усть-Выме. По образному выражению С.В.Бахрушина, “Пермская епархия в течение всего XV в. носит своеобразный характер полусветской-полудуховной пограничной марки, владелец которой, владыка пермский, выступает с чертами... духовного вассала вел. князя Московского”⁴⁵.

На заключительном этапе войны между Василием Темным и Дмитрием Шемякой Устюг и Пермь Вычегодская были явно не на стороне последнего. В июне 1450 г. разбитый незадолго до того под стенами Галича Дмитрий Шемяка захватил Устюг. Горожане не оказали ему сопротивления, хотя первоначально намеревались это сделать. Узнав о приближении Шемяки, они призвали на помощь вычегжан и вымичей, но в последний момент “щита супротив Шемяки не держали”. В Устюге Шемяка казнил тех из “людей добрых”, кто не хотел ему присягать. Среди казненных оказались пермские сотники (Емельян Лузский, Ефимий Эжвин) и десятники, которые привели отряды из Перми Вычегодской. В ходе окончательного разгрома Дмитрия Шемяки Василий Темный, укрепляя свою власть, назначал московских наместников в города, отобранные у противника. В конце 1451 г. Шемяка покинул Устюг, а московская рать, преследуя его, прошла мимо города (в лояльности устюжан воеводы великого князя, видимо, не сомневались). Устюг Великий вновь стал управляться наместниками, назначенными из Москвы.

Не с этими ли событиями соотносится интересующее нас сообщение ВВЛ? Прежде московские князья, опираясь на Устюг, собирали с

Перми Вычегодской лишь дань в виде ценной пушнины. Василий Темный захотел иметь на малоизвестной северо-восточной окраине московских владений свою “руку” в виде наместника. В отличие от властей духовных, наместник мог возглавить и военную оборону края, координируя усилия отдельных коми-зырянских “земель”. А потребность в такой обороне была. Заняв Устюг, Шемяка искал союзников среди вогулов и вятчан, призывая их “грабити” волости великого князя. Если вогулы воздержались от набега, то вятчане подвергли Пермь Вычегодскую страшному погрому. Сообщение ВВЛ об этом событии полностью подтверждается осуждающим посланием митрополита Ионы на Вятку. В ВВЛ набег вятчан датируется 1450 г., послание Ионы имеет приблизительную датировку — 1452 г. Поскольку о нападении на Пермь Вычегодскую в послании говорится как о только что произошедшем событии, то скорее всего оно имело место в 1451 г. Подтверждение статьи ВВЛ о набеге вятчан независимым источником тем более ценно, что следующая статья как раз посвящена сообщению о присылке Ермолая с Василием в Пермь Вычегодскую. В ВВЛ о погроме сказано так: “... наущением того Шемяки пришедшу вятчане на Сысолу, на Вычегду, на Вымь, погоды пожогли, храмы святей грабили, церковное все поимали”. Митрополит Иона более подробно описывает неприглядные жестокости вятчан: “И ныне ново, сими часы, воевали есте великого князя вотчину Сысолу и Вымь и Вычегду да людей есте православного христианства много перемучили, переморили, а иных в воду пометали, а иных в избы и в хоромы насаживая, мужей, старцев и малых деток безчисленно пожигали, а иным очи выжигали, а иных младенцов на кол сажая умертвляли... а полону есте взяли боле полуторы тысячи душ, да которой ныне себе держите, а иных в поганство продаете...”⁴⁶.

Кроме того, опасность военных нападений существовала со стороны уральских вогулов, о чем говорится еще в “Житие” Стефана Пермского конца XIV в.⁴⁷ Примечательно, что через 50 лет, когда Иван III в 1502 г. отправил князя Федора Вымского из Перми Вычегодской “правити на Пустеозере волостью Печорою”, обосновывалось это тем обстоятельством, что “место Вымское не порубежное”⁴⁸. В середине же XV в., до присоединения Перми Великой и походов русских войск в Зауралье, именно вычегодско-вымские земли являлись крайними северо-восточными владениями московских князей.

Несмотря на критику В. В. Мухина (в целом голословную), я рискну настаивать на реконструкции обстоятельств, которые более соответствуют реалиям рассматриваемой эпохи, чем придерживаться фантазий насчет никому не ведомых “верейских” князей. Русские летописные источники указывают на то, что в XV в. отношения между пельмскими вогулами и населением коми (как Перми Великой, так и Перми

Малой, Вычегодской) были напряженными. Возможно, причиной тому отчасти служили миграционные передвижения и промысловая активность предков коми-зырян, чьи поселения XII—XIV вв. найдены археологами даже в Нижнем Приобье⁴⁹. Если Дмитрий Шемяка, как мы помним, призывал в союзники вогулов, то для Василия Темного было естественным найти противовес пелымским князьям среди родоплеменной знати коми. Представителем такой знати и могли быть Ермолай с сыновьями, искавшие покровительства Москвы и принявшие крещение. Можно предположить, что в роли посредника и “крестителя” здесь выступил пермский владыка Питирим (как позднее “печаловался” за югорских князей епископ Филофей). Что касается ответа на вопрос, к каким пермянам принадлежал Ермолай с потомством, то источники не дают возможности однозначного суждения. На основании косвенных свидетельств (об одном было сказано выше) я считаю, что род “Ермоличей” связан не с вычегодско-вымскими землями, а с Верхним Прикамьем.

Если епископ Питирим крестил Михаила, который после номинального “пожалования” со стороны Василия II вернулся в родные края, то тогда становится обособленной указанная в ВВЛ поездка Питирима в 1455 г. в Пермь Великую с миссионерскими целями — он мог уже опереться в своей деятельности на местного князька-христианина. Между прочим, помимо летописей о деятельности Питирима повествует еще один источник, малоконкретный в силу своего жанра, но содержащий интересное сообщение. Это “Память о епископе Питириме”, произведение церковно-житийного характера, близкое по времени своего возникновения периоду деятельности епископа. Без точной датировки в нем сказано, что Питирим “причтом святейшего и вселеньскаго събора и рукоположением Ионы митрополита Киевского и всея Руси поставлен бысть епископом Велицей Перми, идеже и болшая подвижения показа, яко к сущим преж святителям, и многыя крести и обрати на веру...”⁵⁰. Поставление рязанского епископа Ионы в митрополиты произошло, как известно, 15 декабря 1448 г. К этому времени Питирим был уже владыкой Пермским и сам участвовал в соборе, избравшем Иону. В какие же епископы и когда рукоположил митрополит Иона Питирима? Прежде ответим на вопрос: был ли Питирим в действительности епископом Пермским до избрания Ионы? Был, хотя неизвестно, кем он был поставлен в епископы (скорее всего, церковным собором), так как с 1441 по 1448 г. Северо-Восточная Русь не имела митрополита. Только ВВЛ сообщает под 1443/44 г. о поставлении архимандрита Чудова монастыря Питирима в епископы Пермские. Этому, видимо, можно верить, так как за год до избрания Ионы, 29 декабря 1447 г., “Питирим, владыка Пермский” подписал послание русских церковных иерархов Дмитрию Шемяке⁵¹. Таким образом, митрополит Иона мог

рукоположить Питирима не просто в епископы Пермские (он им и так был), а дополнительно в епископы, как сказано в “Памяти...”, **Великой Перми**. Думается, что автор “Памяти...”, называя Пермь Великую, не ошибся; например, он точно воспроизводит титул Ионы, который последним из московских иерархов официально именовался “митрополитом Киевским и всея Руси”⁵².

Распространение церковных границ епархии Питирима на Пермь Великую могло быть связано с крещением Михаила, а само рукоположение, таким образом, можно было бы отнести ко времени не ранее 1452 г. Известно, что когда Питирим направлялся в Москву, он был задержан и заключен в темницу в Устюге Великом Дмитрием Шемякой; поэтому вряд ли он мог появиться в Москве ранее 1452 г. Если же Пермь Великая была “приписана” к его духовным владениям на соборе 1448 г., избравшем в митрополиты Иону, тогда не совсем понятно, почему он медлил с миссионерской поездкой до 1455 г. Как известно, на обратном пути из Перми Великой, уже в вычегодских землях, в августе 1455 г. Питирим был убит вогулами, совершившими набег под предводительством Асыки и его сына Юмшана. Возможно, что это был не набег, а целенаправленное преследование епископа, который вместе с христианством распространял русское влияние среди коми населения Перми Великой. Об ожесточении вогулов говорит трагическая смерть Питирима. Автор “Памяти о епископе Питириме” лаконично записал, что “гогуличи” “сего же святаго имше на пути суща, яко овча нарочито нужней смерти предаша”. Что это за “нарочито нужная смерть”, проясняет, возможно, Матвей Меховский, который в своем “Трактате о двух Сарматиях” говорит об убийстве епископа Перми: дикари “содрали с него кожу заживо и умертвили”⁵³. Правда, у Меховского речь идет об убийстве Стефана, но обрывки русской информации польского автора связаны, конечно, с Питиримом.

Преемник Питирима по пермской кафедре Иона в 1462 г. совершил новую поездку в Пермь Великую, “постави им церкви и попы и княжат Михайловых крести”⁵⁴. Последняя фраза указывает на то, что князь Михаил был инородцем и первым из своей семьи, жившей в Перми Великой, принял крещение. Любопытно, что посещение Ионой языческого края совпадает с проходом через Пермь Великую русских отрядов, воевавших с черемисами, бывшими на стороне казанских татар⁵⁵. Иона, видимо, учел печальный опыт предшественника и таким образом подстраховал свой миссионерский визит. О князе Михаиле русские источники молчат вплоть до 1472 г.

Обратимся к князьям Вымским. О Ермолае (имя, кстати, для XV в. достаточно редкое) нам больше ничего не известно. К 1465 г. наместником в Перми Вычегодской был князь Василий Вымский, который в этом году возглавлял отряды вымичей и вычегжан в походе устюжско-

го войска в земли Югры. Об управленческой деятельности Василия Ермолича сведений нет. В 1480 г., по сообщению ВВЛ, “посекли вымичи Василья князя насмерть”, когда тот попытался возложить на них обязанность по строительству нового городка. Привлечение населения к “городовому делу” входило в круг обязанностей наместника на Руси, но у коми-зырян эта повинность вызывала раздражение. Еще в 1443 г. пермский епископ Герасим был убит недалеко от Усть-Выма за то, что пытался заставить местное население выполнить во владычном городке какие-то строительные работы. Легкая расправа с князем Василием косвенным образом свидетельствует о том, что он не принадлежал к местной коми-зырянской знати; тем более не был он владельцем самостоятельного княжества, вассального по отношению к Москве. Факт смерти Василия в 1482 г. имеет безусловное подтверждение в грамоте Ивана III, где упоминается о вкладе его сыновей Петра и Федора Вымских в один из местных монастырей “на поминование родителя”⁵⁶.

Если о наместничестве Ермолая и Василия можно говорить, основываясь лишь на сообщении ВВЛ (“а ведати им волости вычегоцкие по грамоте наказной по уставной”), то о наместническом статусе Петра и Федора Вымских имеются более подробные и достоверные сведения. Речь идет о двух жалованных грамотах Ивана III — 1482/83 г. пермскому епископу Филофею на владения по р. Вычегде и 1484/85 г. всем жителям (“волостным людям”) Перми Вычегодской⁵⁷. Грамоты не оставляют сомнений в том, что “наместники пермские княжи Петр да Федор Васильевы дети Вымскова” являлись великокняжескими администраторами, хотя и не совсем обычными. В качестве наместников они должны были иметь штат тиунов, доводчиков и приставов, через которых осуществляли судебные функции и сбор пошлин. В пользу князей Вымских с населения собирались (за исключением владений епископской кафедры) наместничьи “кормы”. В соответствии со складывающейся общероссийской практикой самим наместникам запрещалось участие в сборе кормов; в Перми Вычегодской их сбор и доставка возлагались на волостных сотников. Князья Вымские как наместники не должны были менять тиунов и доводчиков до истечения годового срока занятия этих должностей.

Рядом с князьями-наместниками в Перми Вычегодской существовали органы местного самоуправления в лице волостных сотников, представлявших отдельные волости-“земли”. Наместнический аппарат, как известно, не подавлял местного общинного (родового) самоуправления и не препятствовал прямым сношениям с Москвой представителям последнего. Показательно, что грамота 1484/85 г. появилась как ответ на челобитье “пермяков вычегжан, удорен, сысолен”, обеспокоенных насильственными действиями епископа в отношении волостных земель. Грамота указывала в равной степени и наместникам, и сотникам сле-

доть за тем, чтобы волостные (т.е. черносошные) земли не переходили в руки церкви. Следует особо подчеркнуть, что князья Вымские не имели права своей властью “переменивать” волостных сотников.

С другой стороны, князья Вымские являлись единственными светскими “вотчиками” в землях коми-зырян. Их частные владения (“княщина”) возникли как “жалование” великого князя и в 1485 г. состояли из: “против повоста Шеномскова по Вычегде два озера, да под Еренским городком озеро да курейка, да по Вычегде ж повыше владычного городка в Юруме четыре курьи, да по Сысоле реке в повосте Пылде два озера; а в иных реках и озерах и угодиях волостных князьям не быти и княжих ловцов и делавцов не засылати в некоторые”. Резиденцией князей-наместников был, видимо, Княж-погост на р. Вымь.

Определенную роль в делах светского управления играл и пермский владыка. В свое время это пронципально отметил С.В.Бахрушин (правда, он не знал, что князья Вымские были наместниками): “Туземные князьки, вроде вымских князей Петра и Федора, при епископе Филофее находятся как бы под патронатом владыки”⁵⁸. Тот же Филофей не стеснялся поселять на вотчинные владения пермских наместников: “...половина Юрма озера вверх по Вычегде реке да три курьи... отнял владыка у Петра да у Федора у княжих Васильевых детей Вымского”⁵⁹. “Разделение властей”, существовавшее в Перми Вычегодской, рельефно заметно в процедуре заключения мира под Усть-Вымом в конце 1484 г. с целым рядом остяцких князьков, где “русская” сторона была представлена Петром и Федором Вымскими, владычным слугой Левашем и тремя местными сотниками.

Таким образом, князья Вымские обладали статусом наследственных наместников, что не было типичным для наместническо-кормленческой системы в целом. Как инородцы по происхождению, они не имели владений в русских землях, и именно поэтому их “княщина” (рыболовного, а не пашенного характера) состояла из волостных угодий Перми Вычегодской, пожалованных им московскими князьями. Московское правительство проявило гибкость, утвердив в Перми Вычегодской наместников, близких коми-зырянам в этническом отношении. Постоянное наместничество противоречило административным порядкам формировавшегося Московского государства, но очевидно, что Василий II и Иван III нуждались до поры до времени в присутствии князей Вымских на северо-восточном фронтире русской колонизации: они лучше, чем русские наместники, знали политическую и этническую ситуацию в Северном Приуралье и Нижнем Приобье и имели к тому же владетельных родственников в Перми Великой.

Центральным эпизодом в присоединении Верхнекамского Приуралья к Русскому государству являются, бесспорно, события 1472 г. С.М.Соловьев был совершенно прав, когда писал по поводу отноше-

ний московского князя и Перми Великой до этого года: “В каком отношении находилась эта Великая Пермь и князь ее к Москве, мы не знаем”⁶⁰. С тех пор наши положительные знания в этом вопросе в общем-то не увеличились, поэтому о позиции Перми Великой мы вынуждены судить на основании косвенных свидетельств, связанных с русско-казанскими отношениями.

Разгорающаяся борьба с Казанским ханством показала Москве важность контроля над землями Верхнего Прикамья. К этому же, без сомнения, стремились и казанские татары, для которых Северное Приуралье представляло источник ценной пушнины (уже в середине XV в. Казань была, по сообщению венецианца Иосафата Барбаро, крупным центром торговли мехами). В событиях первой большой русско-казанской войны (1467—1469 гг.) Пермь Великая, как и более воинственная Вятка, пыталась сохранить свою самостоятельность, лавируя между московскими и казанскими интересами. Русские отряды могли проходить через верхнекамские земли (например, войско Ивана Руно и других воевод в 1468 г.⁶¹), но о военной помощи московским войскам со стороны Перми Великой источники ничего не говорят.

О позиции нейтралитета Перми Великой и давлении казанских татар на ее жителей говорит ВВЛ, но надо заметить, что В.А.Оборин, а за ним и некоторые другие авторы некритически подошли к фактологической стороне данного сообщения⁶². В статье ВВЛ под 1471 г. сказано, что “повеле князь великий Иван брату своему Юрию с устюжаны, галичаны, белозерцы, вычегжаны, пермяки с ратью коною и судовою пойти на казанцов. Стоял Юрий под Казаню 5 дней, к городу не приступал, сожидаячи белозерцов и чердынцов, а чердынцы, убоясь, не пошли, за казанцов задалися”⁶³. Прежде всего, никакого похода 1471 г. во главе с кн. Юрием Васильевичем не было. Русско-казанская война закончилась в сентябре 1469 г., когда большая московская рать (ее действительно возглавлял Юрий Васильевич) осадила Казань, в результате чего был “мир взят на всей воли великого князя”, а казанцы выдали всех захваченных ими пленников из русских земель. Очевидно, что в этом походе отряды чердынцев, даже если бы они и пришли, не могли играть сколько-нибудь значительной роли. Видимо, составитель ВВЛ запутался в бурных военных событиях 1468—1469 гг., и к какому походу не присоединились пермяне из Чердыни, остается загадкой. Но общий смысл колебаний Перми Великой между Москвой и Казанью ВВЛ передает верно.

Возможно, что с точки зрения Москвы Михаил Великопермский был вассальным правителем всей Перми Великой, принявшим вместе с христианством обязательства подданства по отношению к великим князьям. Но только с точки зрения Москвы. Как показывают события похода 1472 г., реальная власть князя Михаила была довольно скромной.

Поход 1472 г. русских войск в Пермь Великую отражен в московском летописании (где рассказ о нем основан на подлинном донесении воеводы князя Ф.Д.Пестрого) и дополняется известиями Вычегодско-Вымской и Устюжской летописей⁶⁴. По поводу причины похода официальное летописание лаконично сообщает, что Иван III послал “на Великую Пермь князя Федора Пестрого воевати их за их неисправление” (заметим, что о князе Михаиле, на ком должна была бы лежать вина за “неисправление”, здесь ничего не говорится). Если верить ВВЛ, чье уникальное сообщение пока не поддается проверке, “перемеки за казанцов норовили, гостем казанским почести воздавали, людем торговым князя великова грубили”. Во главе экспедиционного корпуса был поставлен опытный военачальник князь Федор Давыдович Пестрый, о котором, кстати, в учебной литературе встречаются неверные утверждения. Так, В.А.Оборин писал о нем как об известном русском полководце, “само имя которого как участника успешных походов на Казанское ханство и битвы при Шелони должно было произвести соответствующее впечатление на великопермских князей”; в другом издании авторы слепо повторяют В.А.Оборина: князь Федор Пестрый оказывается одним из русских воевод, “победивших татар под Казанью и новгородцев в битве при Шелони”⁶⁵. На самом деле в битве при Шелони побеждал новгородцев воевода Федор Давыдович Хромой, имя которого часто встречается в летописях за 1470-е гг. Ф.Д.Хромой происходил из старого боярского, но нетитулованного рода Ратшичей (он был потомком Акинфия Гавриловича Великого), князь же Ф.Д.Пестрый принадлежал к роду Стародубских-Палецких⁶⁶. Непонятно, из какого источника ктигированные выше авторы взяли сведения о “казанских” подвигах князя Ф.Д.Пестрого. В столкновениях с казанскими татарами за 1440—1460-е гг. ни князь Ф.Д.Пестрый, ни Ф.Д.Хромой не упоминаются.

Судя по тому, что нам известно о князе Федоре Пестром, к 1472 г. ему было далеко за 60 лет. Как военачальник впервые он упоминается в летописях под 1429 г., когда вместе с воеводой К.Ф.Добрынским на свой страх и риск продолжил прерванную погоню за ордынцами, совершившими набег на Кострому, и отбил русский полон (летописец по этому поводу выразился афористично: “тем воеводам при животе честь, а по смерти вечная память”). В 1431 г. князь Ф.Д.Пестрый был послан “ратью на болгары волжские”; “он же шед, взя их, всю землю их плени”⁶⁷. Возможно, этот успешный рейд не забылся и через 40 лет, и князь Федор Давыдович не случайно оказался во главе похода на Пермь Великую.

Рать Федора Пестрого нагрянула на пермские земли весной (после 9 апреля). Вблизи р. Колвы войско разделилось: одна часть во главе с Пестрым пошла вверх по реке к городку Искору, другая, с Гаврилом Нелидовым, — к Чердыни и Покче, где находился князь Михаил. Со-

дается впечатление, что основные силы “пермичей”, против которых воевал сам Ф.Д.Пестрый, действовали независимо от Михаила. Еще на подступах к Искору они приняли бой с русской ратью, проиграли его, после чего пал и сам городок. В результате в плен попали пермские “воеводы” Кача, Бурмот и Мачкин, добровольно сдался Зырян. В ВВЛ они названы сотниками Михаила; скорее всего, они были местными племенными старейшинами или князьками. Столь же успешно действовал Нелидов, но любопытно, что никакого сопротивления со стороны князя Михаила источники не зафиксировали. Тем не менее, за свое “неисправление” он оказался в числе других пленных и вместе с ними был отправлен в Москву. Ф.Д.Пестрый какое-то время еще оставался в Перми Великой, видимо, пока Михаил не был отпущен обратно “княжити”.

Определить статус Михаила, а за ним Матвея Великопермских после 1472 г. довольно затруднительно. В летописях Матвей Михайлович назван “вотчичем”, но “вотчичами” были и князья Вымские, что отнюдь не указывает на их положение как удельных князей. В послании митрополита Симона мирянам Перми Великой (1501 г.) дословно сказано: “В отчину великого государя... в Великую Пермь сына моего, великого князя, слуге князю Матвею Михайловичу Пермскому да и всем пермичем...”⁶⁸. Основываясь на этом обращении, М.Н.Тихомиров считал, что “Пермская земля представляла собой особое удельное княжество”, так как слово “слуга” означало не служебную, а вассальную зависимость⁶⁹. Мне кажется, это не является решающим аргументом. Существовая столетиями, термин “слуга” имел много значений — от “вольных слуг” княжеских договоров XIV в. до почетного реликтового словоупотребления в дворянской среде XVII в. (Можно привести пример. В Устюжской летописи по поводу вятчан, выведенных после 1489 г. из Вятской земли и пожалованных поместьями в других уездах, сказано: “И писались вятчена в слуги великому князю”⁷⁰).

Логично предположить, что после 1472 г. князь Михаил перешел на положение наместника, владевшего определенными землями в Перми Великой на правах вотчинника, т.е. повторил образец князей Вымских. Определенным намеком на признание Михаила и Матвея великокняжескими администраторами является уже цитированная фраза из уставной грамоты жителям Перми Великой, которая указывает очередным наместникам “первых судов и грамот князей Пермских не по-суживати”.

Наместнической резиденцией являлся городок Покча, который был razорен в 1481 г. при опустошительном набеге пелымского князя Асыки. При этом погиб князь Михаил Ермолич и некоторые из его детей. О внутренних делах управления Пермью Великой при князе Матвее Михайловиче ничего не известно. Вероятно, он мог принимать учас-

тие в большом походе русских и коми-зырянских войск за Урал в 1483 г., в состав которых вошли и пермяки. Не исключено участие в этом походе и князей Вымских; по крайней мере, в следующей военной экспедиции в зауральскую «Югру» (1499–1500 гг.) они находились под командованием московских воевод, причем Петр Вымский погиб.

Только ВВЛ сообщает о конце наместничества в Перми Вычегодской Федора Вымского. Согласно ей, в 1502 г. он был послан «правити на Пустозере волостью Печорою», куда передвинулась размытая граница русской и коми-зырянской колонизации. Дальнейший след князей Вымских теряется. Та же ВВЛ (в отличие от Устюжского летописного свода) приводит более подробные сведения о конце правления князей Великопермских. Весной 1505 г. чем-то разгневанный Иван III (в ВВЛ ошибочно — Василий Иванович) «свел с Великие Перми вотчича своего князя Матфея и родню и братию ево (вспомним Синодик князей Великопермских. — *Е. В.*)». Как уже говорилось, на его место был прислан наместник князь В. А. Ковер, «первыи от русских князей». Потомки князей Великопермских, сохранившие титул, в конце XVI–XVII вв. известны как русские помещики и представители рядового дворянства.

Пестрота форм управления различными землями, входившими во второй половине XV в. в состав Московского государства, не должна, очевидно, смущать исследователей. Рассмотренный материал позволяет выделить наследственное наместничество (с привлечением туземной знати) как «гибридную» форму местного управления на иноэтничных северо-восточных окраинах. Эта форма была ликвидирована, когда военные успехи Московского государства и хозяйственные усилия русской народной колонизации позволили распространить с начала XVI в. на Пермь Малую и Пермь Великую обычный порядок управления с частой сменяемостью наместников и волостелей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Вершинин Е. В.* Статус князей Вымских и Великопермских как правителей (административный аспект присоединения Северного Приуралья к Русскому государству) // Культурное наследие Азиатской России: Мат-лы I Сибиро-Уральского исторического конгресса. Тобольск, 1997. С.122—124.

² *Мухин В. В.* Еще раз о пермских князьях // Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России. Пермь, 1999. С.104—106.

³ Там же. С.104.

⁴ *Жеребцов Л. Н.* Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982. С.52.

⁵ История Урала. Пермь, 1976. Т.1. С.41—43; История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С.146—148; *Оборин В. А.* Заселение и освоение Урала в конце XI — начале XVII века. Иркутск, 1990. С.75.

⁶ История Урала с древнейших времен... С.146.

⁷ Страницы истории земли Пермской: Прикамье с древнейших времен до начала XVIII века. Пермь, 1995. С.92.

⁸ Давыдов В. Н. Присоединение Коми края к Московскому государству. Сыктывкар, 1977. С.13—15; Кизилов Ю. А. Земли и народы России в XIII—XV вв. М., 1984. С.133; История Урала: С древнейших времен до конца XIX века. Екатеринбург, 1993. Кн.1. С.97 (автор текста — Н. А. Миненко); Голдина Р. Д. Древняя история Чердынского края в археологическом наследии // Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии... С.74.

⁹ Шапков А. Т. Сибирский поход Ермака: хронология событий 1581—1582 гг. // Известия Уральского университета. 1997. № 7. Серия “Гуманитарные науки”. Вып. 1. С.39. См. также: Шапков А. Т., Редин Д. А. История Урала с древнейших времен до конца XVIII в.: Учебное пособие. Екатеринбург, 1996. С.17.

¹⁰ Зимин А. А. Витязь на распутье: Феодалная война в России XV в. М., 1991. С.143—144.

¹¹ Лашук Л. П. Формирование народности коми. М., 1972. С.42.

¹² Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения... С.52. К этому же мнению склоняется, по-видимому, и В. В. Мухин в своем критическом выступлении. См.: Мухин В. В. Еще раз о пермских князьях. С.105.

¹³ История Урала. Т.1. С.41—43.

¹⁴ История Урала с древнейших времен... С.146, 148.

¹⁵ Там же. С.146.

¹⁶ Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Родники пармы. Сыктывкар, 1989. С.26 (в дальнейшем — ВВЛ).

¹⁷ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С.457; История Урала с древнейших времен до конца XIX века. С.97, 99.

¹⁸ ПСРЛ. Л., 1982. Т.37. С.91, 99.

¹⁹ ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т.2. С.244, 277.

²⁰ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т.25. С.296—297; Иоасафовская летопись. М., 1957. С.79—80.

²¹ АСЭИ. М., 1964. Т.III. № 291, 291а, 291б.

²² Договор опубликован в кн.: Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. III, ч.2. С.152.

²³ Дмитриев А. А. Пермская старина. Пермь, 1889. Вып. 1. С.192.

²⁴ Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. М., 1987. Вып. II. С.287.

²⁵ АИ. СПб., 1841. Т.1. С.397.

²⁶ Голубцов В. В. Князя великопермские, пермские и вымские (1463-1640 гг.) // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Пермь, 1892. Вып.1. С.75.

²⁷ ВВЛ. С.26.

²⁸ Зимин А. А. Витязь на распутье... С.145.

²⁹ См., например: Экземпларский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 г. по 1505 г. М., 1998; Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. СПб., 1998.

³⁰ Зимин А. А. Витязь на распутье... С.187-189; Алексеев Ю. Г. Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. С.146-148.

³¹ Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства: вторая половина XV века. М., 1952. С.328.

³² Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С.109.

³³ ПСРЛ. Т.37. С.52, 99.

³⁴ Флоря Б. Н. Коми-Вымская летопись // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С.222.

³⁵ ВВЛ. С.28; ПСРЛ. Т.37. С.99. Неверным в ВВЛ является и наименование тюменского хана Кутлуг-Султана “сибирским царем”, поскольку Сибирское ханство образовалось лишь в 1563 г.

- ³⁶ *Шашков А. Т.* Сибирский поход Ермака... С.41-42.
- ³⁷ *Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. С.362.
- ³⁸ *Шашков А. Т.* Сибирский поход Ермака... С.39.
- ³⁹ Например, "волские казаки", т.е. волжские, могли легко трансформироваться в "польских". См.: *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в. М., 1990. С.256.
- ⁴⁰ *Флоря Б.Н.* Коми-Вымская летопись. С.218-231. А.Т.Шашков в личной беседе высказал интересную мысль о том, что к летописной работе в Усть-Выме мог быть причастен Устин, брат пермского епископа Ионы (1462-1471 гг.), который еще в 1490 г. имел в Усть-Вымском городке двор, а сам жил в деревне "противу городка". (См.: АСЭИ. Т. III. С.312, 314).
- ⁴¹ ПСРЛ. Т. 37. С. 91.
- ⁴² ВВЛ. С. 23.
- ⁴³ Святитель Стефан Пермский: К 600-летию со дня преставления. СПб., 1995. С. 124.
- ⁴⁴ *Лашук Л.П.* Формирование народности коми. С.86-151.
- ⁴⁵ *Бахрушин С.В.* Научные труды. М., 1955. Т. III, ч. 1. С.75—76.
- ⁴⁶ ВВЛ. С.26; АИ. Т.1. С.490—491.
- ⁴⁷ Святитель Стефан Пермский. С.224.
- ⁴⁸ ВВЛ. С.28.
- ⁴⁹ Очерки истории Коды. Екатеринбург, 1995. С.57—63.
- ⁵⁰ История Пермской епархии в памятниках письменности и устной прозы: Исследования и материалы. Сыктывкар, 1996. С.96.
- ⁵¹ ВВЛ. С.25; АИ. Т.1. С.75.
- ⁵² *Борисов Н.С.* Русская церковь в политической борьбе XIV—XV веков. М., 1986. С.159.
- ⁵³ *Меховский Матвей.* Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936. С.117.
- ⁵⁴ ВВЛ. С.26. Другие летописи сообщают, что Иона крестил и князя Великой Перми. (см.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 5—6 // Соловьев С.М. Соч. в восемнадцати книгах. М., 1989. Кн. III. С.71).
- ⁵⁵ ПСРЛ. Т.37. С.90.
- ⁵⁶ АСЭИ. Т.III. С.310.
- ⁵⁷ Там же. С.307—311.
- ⁵⁸ *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. III. ч.1. С.76.
- ⁵⁹ АСЭИ. Т. III. С. 315.
- ⁶⁰ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. III. С. 71.
- ⁶¹ Иосафовская летопись. С.56-57.
- ⁶² История Урала с древнейших времен... С. 147; Страницы истории земли Пермской... С. 92.
- ⁶³ ВВЛ. С.26.
- ⁶⁴ ПСРЛ. Т. 25. С.296—297; Иосафовская летопись. С. 75, 79—80; ВВЛ. С. 26; ПСРЛ. Т. 37. С. 48, 93.
- ⁶⁵ История Урала с древнейших времен... С. 148; Страницы истории земли Пермской... С.93.
- ⁶⁶ *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России... С. 42, 165, 168. Авторам, которые путают этих двух лиц, следовало бы обратить внимание на то, что в источниках Ф.Д. Хромой никогда не называется с княжеским титулом.
- ⁶⁷ *Зимин А.А.* Витязь на распутье... С. 42, 43; *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 235.
- ⁶⁸ Русский феодальный архив... Вып. II. С. 287.
- ⁶⁹ *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. С. 457.
- ⁷⁰ ПСРЛ. Т.37. С. 97.